

упоминать в этой редакции имя отца, когда речь всё время идет только о брате — Ягайле?

Если с самого начала говорилось лишь о том, что брат Ольгердовичей соединился с Мамаем, то упоминание их отца ничем не оправдано. Если же в первоначальном, изменяемом тексте речь шла всё время об отце и данный отрывок как раз и объяснял причину того, почему сыновья восстали против отца, то становится ясным, откуда в Летописной редакции появилось упоминание об отце Ольгердовичей: из первоначального текста, где говорилось не о брате, а об отце. Автор Летописной редакции перенес этот рассказ, объясняющий причину того, почему дети восстали на отца, в свой текст из первоначального, не подвергая его существенным изменениям, но так как всюду он заменял имя отца на имя его сына и брата Ольгердовичей, а здесь он этого сделать не мог, то ему и пришлось прибавить к старшему тексту: „и братом“.

С еще большей убедительностью подтверждает замену имени „Ольгерд“ на имя „Ягайло“ второй отрывок: Ольгердовичи, присоединяясь к Дмитрию, восстают против своего отца, и автор разъясняет, как это могло произойти, оправдывая с морально-религиозной точки зрения эту измену детей родному отцу. Андрей Ольгердович в письме к брату говорит о том, что отец отверг их от себя, но зато их возлюбил небесный отец. Это рассуждение об отце земном и отце небесном понятно и оправдано в Основной редакции, но не ясно, для чего оно вставлено в Летописную редакцию, где весь конфликт происходит между братьями. Ниже Андрей в письме к брату оправдывает то, что они будут „отцу противиться“, цитатой из евангелиста Луки. В Летописной редакции вместо „отцу“ — „родителем“. Ясно, что первоначально здесь было „отцу“, а автор Летописной редакции переменял это на „родителем“ под влиянием приводимой ниже цитаты: „предани будете родители ваши“.

Сущность этих двух больших отрывков заключается в оправдании, с точки зрения христианской морали, поступка Ольгердовичей, пошедших против родного отца, и поэтому автор так долго и подробно останавливается на этом. Выступление против брата не требовало бы такого подробного рассуждения.

В письме к Ольгерду Олег пишет о том, что, зная его давнишнее желание владеть Москвой, он спешит сообщить ему о готовящемся походе Мамайя и советует присоединиться к татарам. В этом письме мы читаем такую фразу (цитируем ее по Летописной редакции, где литовский князь назван Ягайлом): „Вем бо, яко издавна мыслил еси московского князя Дмитрея изгонити и московскою отчиною владети“. Так можно было сказать только об Ольгерде, который трижды пытался взять Москву, а не об Ягайле, который ни разу не ходил на Москву. Это говорит о том, что в первоначальном тексте фигурировал Ольгерд, а не Ягайло.

Итак, на основе текстологических сопоставлений становится ясно, что в авторском тексте памятника было имя „Ольгерд“, а замена его на „Ягайло“ — индивидуальная особенность Летописной и Киприановской редакций „Сказания“.

Исходя из всего этого, мы можем утверждать, что текст „Сказания“ по Основной редакции наиболее близок к первоначальному тексту памятника.

Основная редакция „Сказания“ дошла до нас в наибольшем количестве списков и отличается обилием вариантов. Текстологические